

Он действительно уже десять лет не отмечал свой день рождения. В последние пару лет Цяо Цинцин, правда, вспоминала об этом, доставая свои карманные деньги, чтобы угостить его тарелкой лапши — словно играя в куклы.

Сяо Цинму протянул ему коробку с пирожными, которые только что купил Яньчжу:

— Лу Цзунци, попробуй это. Их лесные ореховые пирожные очень вкусные.

Лу Цяньтан застыл в недоумении, не понимая, что это за новый каприз.

Сяо Цинму закрыл глаза:

— Лу Цзунци, можешь идти. Ты уже слишком долго сидишь в моей карете, не могу отпустить тебя с пустыми руками.

Лу Цяньтан с должной почтительностью поблагодарил за милость, про себя думая: «Какая странность».

Он уже собирался выйти из кареты, когда Сяо Цинму снова окликнул его:

— Ешь сам, никому не отдавай.

Уголок глаза Лу Цяньтана нервно дернулся, но он ответил:

— Я поставлю их на алтарь и буду каждый день возжигать благовония.

Сяо Цинму усмехнулся:

— Я сказал есть, а не поклоняться.

Лу Цяньтан выпрыгнул из кареты, решив отнести эти лесные ореховые пирожные и пирожные «Сто цветов» Цяо Цинцин.

Добравшись до чайной «Баньжисянь», он обнаружил, что Цяо Цинцин плачет во дворе, одновременно выполняя упражнение «стойка всадника».

Лу Цяньтан огляделся, убедился, что Цяо Чэнмэна нет, и подкрался к ней:

— Что случилось? Опять наказали? Что ты на этот раз натворила?

Цяо Цинцин, всхлипывая, ответила:

— Вчера я была в школе, а потом учитель пожаловался моему отцу, что я кого-то ударила.

Лу Цяньтан, видя, как она плачет, едва сдержал смех:

— Кого ты ударила?

Цяо Цинцин надула губы:

— Я никого не ударяла.

Лу Цяньтан спросил:

— Так что же ты сделала?

Лицо Цяо Цинцин сморщилось, словно от горького лекарства:

— Я использовала его, чтобы попробовать новые метательные ножи, которые папа мне подарил.

Лу Цяньтан: «...»

Он скрестил руки на груди и посмотрел на неё:

— Ты его не убила, надеюсь?

Цяо Цинцин снова заплакала:

— Разве моё владение ножами настолько плохо? Я же его не задела, просто попросила подержать финик...

Лу Цяньтан не выдержал и рассмеялся:

— Финик? Ты заслужила это наказание.

Цяо Цинцин посмотрела на благовония, которые сгорели лишь наполовину, и, всхлипывая, сказала:

— Сэнсэй, можешь сломать палочку пополам?

Лу Цяньтан сразу отскочил на несколько шагов:

— Я не осмелюсь. Ты просто хочешь подставить меня.

Цяо Цинцин снова заплакала:

— Лу Цяньтан, ты трус! Ты не спасаешь меня в беде.

Лу Цяньтан поднял бумажный пакет:

— Продолжай упражнение. Это пирожные из кондитерской «Няньмэй». Я оставлю их в твоей комнате.

Услышав о кондитерской «Няньмэй», Цяо Цинцин сразу замолчала, с горечью смотря, как он уходит.

Когда Цяо Чэнмэн вернулся, ужин уже был готов, и Лу Цяньтан остался поесть вместе с ними. Цяо Чэнмэн редко задавал ему вопросы, но на этот раз спросил:

— Тренировки не забросил?

Лу Цяньтан положил палочки:

— Каждый день занимаюсь, не забросил.

Цяо Чэнмэн поставил чашу с рисом:

— Когда закончишь, заходи во двор, покажи, как ты сражаешься.

Лу Цяньтан быстро доел и последовал за ним.

Цяо Цинцин, с глазами, ещё полными слёз, посмотрела на них, бросила палочки и тайком последовала за ними.

Техника владения мечом Цяо Чэнмэна была стремительной и мощной. Его тяжёлый меч резал воздух с громким свистом, сбивая с гранатового дерева листья. Лу Цяньтан в основном уворачивался, но всё же едва справлялся с атаками.

Лу Цяньтан поднял меч, чтобы заблокировать удар, и попытался вывести противника из равновесия, но звук столкновения металла был настолько резким, что зубы сводило.

Цяо Чэнмэн резко надавил, и Лу Цяньтан тут же опустился на одно колено. Оба меча оказались у его груди. Лу Цяньтан попытался ударить по ногам, но его колено было заблокировано, и лезвие меча пронеслось у его шеи.

Цяо Цинцин, которая пряталась за колонной, не сдержала крика. Однако меч был остановлен в самый последний момент. Лу Цяньтан откинул голову, избежав ранения, но лезвие срезало прядь волос у его уха, которая мягко упала на плечо.

Лу Цяньтан, тяжело дыша, опёрся на меч и поднялся. Цяо Чэнмэн, держа меч в руке, стоял рядом:

— Ты действуешь нерешительно. О чём думаешь?

Цяо Чэнмэн, похоже, не ждал ответа, бросив взгляд на колонну, за которой пряталась Цяо Цинцин, и она тут же скрылась в доме.

Лу Цяньтан ничего не сказал, но Цяо Чэнмэн спросил:

— Как дела в Западном столичном лагере?

Лу Цяньтан ответил:

— Пока только патрулирую. Недавно был в Восточном дворце, но ничего особенного.

Цяо Чэнмэн сел за каменный стол во дворе и налил себе чаю.

Лу Цяньтан подошёл к нему и добавил:

— Я вернулся, чтобы попросить у мастера одного человека.

Цяо Чэнмэн поднял на него взгляд, жестом приглашая сесть.

Лу Цяньтан сел и сказал:

— Нужен человек с хорошим мастерством лёгкой атлетики и точной стрельбой из лука.

Цяо Чэнмэн внимательно посмотрел на него:

— У тебя есть план?

Лу Цяньтан кивнул:

— До осенней охоты осталось меньше двух месяцев. Если ничего не предпринять, будет поздно.

Цяо Чэнмэн не стал задавать лишних вопросов:

— В ближайшие дни дам тебе ответ.

Восьмого числа восьмого месяца был день поминовения императора Хуэйци. По традиции, император проводил церемонию в храме предков, а затем выезжал за город для жертвоприношения небу. Все принцы, князья и знатные особы столицы должны были присутствовать.

Подготовка к церемонии началась в конце седьмого месяца. Торжественная процессия, завершив дневное жертвоприношение, проходила через всю улицу Цзанье, направляясь к юго-западу Ингао, в квартал Цзяочжу, где на юго-восточном углу находился алтарь для жертвоприношения небу.

Квартал Цзяочжу был малонаселённым, и в этот день территория вокруг алтаря была строго охраняема, так что даже вороны не смели каркать.

Лу Цяньтан, будучи низкого ранга, не имел права охранять церемонию, но продолжал патрулировать с отрядом. Он специально поменялся сменами, чтобы его назначили на южный участок улицы Цюсяо.

Церемония продолжалась до захода солнца, и только тогда звуки гонгов и барабанов снова разнеслись на север, скрывшись за закрытыми воротами дворца.

Князья и принцы разъехались по домам лишь ближе к полуночи. В этот день роскошные заведения квартала Юли оставались пустыми, и, как бы ни было тяжело, все должны были изображать образцовых сыновей и внуков. Однако ночные рынки продолжали сиять яркими огнями и были полны жизни.

Сяо Цинму был одет в парадный костюм с узорами белого зебра, а на голове у него была корона с журавлём, что делало его лицо ещё более бледным, даже губы казались бесцветными.

Яньчжу, увидев, что он с закрытыми глазами полулежит, поднёс ему горячий чай:

— Ваше Высочество, вам всё ещё нехорошо?

Сяо Цинму взял чай, лениво пригубил и поставил обратно:

— Всё в порядке.

Яньчжу достал из рукава белый фарфоровый флакон и уже собирался открыть его, но Сяо Цинму махнул рукой:

— Вернёмся во дворец. Я не умру за это время.

Яньчжу уже хотел что-то сказать, но Сяо Цинму внезапно открыл глаза, в которых вспыхнул холодный свет:

— Снаружи кто-то есть.

Яньчжу тут же выглянул наружу, и в этот момент стрела, рассекая воздух, вонзилась в крышу кареты.

У князя Цзиня было мало охраны, и после выхода из дворца оставалось всего восемь

стражников. Яньчжу находился в карете, один управлял лошадьми, а остальные шестеро охраняли карету с обеих сторон.

Эти стражники были опытными бойцами, но внезапно налетевший туман сбил их с толку, и даже внутри кареты было нечем дышать из-за густого дыма.

Сяо Цинму и так чувствовал себя слабым, и когда дым попал ему в горло, он начал кашлять. Яньчжу был вынужден вывести его из кареты.

Едва они вышли, как начался ливень стрел. Сяо Цинму прищурился, пытаясь что-то разглядеть, но ничего не мог увидеть, только слышал свист стрел, рассекающих ночной воздух.

Фонари перед каретой были потушены. Они только что проехали улицу Цзанъе и оказались в северо-западной части квартала Шанъи, в переулке Гуцю. Войдя в переулок, они увидели лишь густой бамбуковый лес, который скрывал яркий лунный свет.

Яньчжу и его люди, в тусклом свете луны, уворачивались от стрел, выглядели довольно беспомощно. Внезапно один из стражников крикнул:

— Там огонь!

Яньчжу прикрыл Сяо Цинму собой и сказал торопливо:

— Ваше Высочество, это, должно быть, ночной патруль Западного столичного лагеря.

Сяо Цинму слегка приподнял бровь, снова кашлянул и усмехнулся:

— Как вовремя они появились.

Ливень стрел не прекращался, и стрелы, летевшие в сторону кареты, всё ещё свистели в воздухе. Яньчжу, изо всех сил отбивая летящие стрелы, вдруг услышал шипение и, опустив взгляд, увидел короткий фитиль, зажжённый огнём. Он тут же почувствовал резкий запах серы. Лицо Яньчжу исказилось от ужаса, он схватил трубку с порохом и откатился в сторону, бросив её в бамбуковый лес.

— Ваше Высочество!

Раздался громкий взрыв, и из бамбукового леса поднялся чёрный дым. В этот момент стрела, летевшая прямо в Сяо Цинму, была перехвачена человеком, который бросился на него, закрывая собой. Стрела пронзила левое плечо этого человека, и тёплая кровь брызнула на лицо Сяо Цинму. Он моргнул, и ресницы его слиплись.

Лу Цяньтан глухо застонал, крепко схватив Сяо Цинму за плечо. Он долго дышал, прежде чем еле слышно спросил:

— Ваше Высочество, вы в порядке?

Яньчжу тоже подбежал, с тревогой в голосе:

— Ваше Высочество, вы ранены?